

*Вся информация, приведенная в книге,
исторически достоверна, однако все имена
действующих лиц изменены, чтобы защитить
их конфиденциальность.
Все совпадения случайны.*

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	9
1. ЗНАКОМСТВО РОДИТЕЛЕЙ	11
2. ПОКОЙ МНЕ ТОЛЬКО СНИТСЯ	17
3. ПОБЕГ СО СТАСОМ	45
4. МАТЕРИНСТВО	63
5. ПРИЕМКА, АРЕСТ, СУД	77
6. ТЮРЕМНЫЙ БЫТ	97
7. АРТЁМ	135
8. ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ	155
9. САМЫЕ БЛИЗКИЕ: МАМА, САША, НИКИТА	173
10. ВЫХОД В МАССЫ И МЕЧТЫ	205
ЭПИЛОГ	220

ПРЕДИСЛОВИЕ

Меня зовут Радмила, мне 35 лет, и я бывшая заключенная.

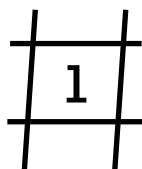
Мне было 18, когда меня приговорили к 8,5 годам заключения по 228-й статье за распространение наркотических веществ. Восемь с лишним лет в колонии ощущались как жизнь, резко поставленная на паузу.

И вот в 2014 году я вышла на свободу — столкнулась с ней лицом к лицу и вместе с тем — с неожиданно большим количеством новых для меня вещей и непривычных повседневных дел. Я пыталась научиться пользоваться банкоматами, привыкнуть к сенсорным телефонам. Приходя в супермаркет, перестраиваться в плане цен на продукты: за банку растворимого кофе я больше не платила двумя пачками Winston или тремя — за коробочку рафаэлок. Сродни поездке в отпуск, когда все постоянно переводишь на рубли, — только у меня была совсем иная «заграница»...

Сейчас, спустя почти десять лет, я живу жизнью самой обычной женщины: воспитываю сына, работаю мастером по наращиванию ресниц и продолжаю убеждать себя в том, что в моем прошлом нет ничего страшного и я не должна больше испытывать стыд за произошедшее. Болезненный опыт и настаивающие до сих пор воспоминания о тюрьме я решила использовать на пользу другим и запустила свой YouTube-канал.

По статистике, женщины в основном попадают на преступления не насильственных, но экономических и чаще всего не совсем справедливо.

И я, как можно понять, далеко не первая и уж точно не последняя. Огромное количество подростков сейчас отбывают наказание в стенах колоний, затем выходят на свободу и вовсе не знают, что делать со своей жизнью. Я тоже не знала и так же, как они, была потеряна. Поэтому моя история, опыт и блог — живой пример того, что после тюрьмы жизнь есть — можно остаться человеком и найти себя.

ЗНАКОМСТВО РОДИТЕЛЕЙ

Я родилась в 1987 году в Талды-Кургане, городе на юго-востоке Казахстана. Важно, что я казашка, а не цыганка, как считают многие из-за того, что меня крестили в семье цыган, но об этом я расскажу позже.

Мои родители познакомились, когда мама училась в пединституте. Про нее можно было сказать «умница и красавица» — за ней бежало много парней. Папа же был барабанщиком: играл в местном модном заведении под названием «Телефон» по соседству с университетом. Так их знакомство и случилось: студенты часто наведывались в клуб по пятницам и выходным, чтобы выпить и отдохнуть после тяжелой учебной недели. Заглянув туда как-то поздним вечером с подружками, мама увидела местного музыканта и была им совершенно очарована — с первого взгляда влюбилась в парня, что заставлял ее девичье сердце биться в такт его ритмам.

Любовь эта была юношеской, кружащей голову и заставляющей бабочек порхать в животе.

Папа одаривал маму всем, о чем только могла мечтать девушка в те времена: уделял ей внимание, заботился, всячески ухаживал, угощал вкусностями (и это в те голодные времена!). В общем, влюбиться без памяти в красивого, популярного и обаятельного молодого человека было достаточно легко. Их история походила на сказку, в которой все заканчивается свадьбой и заветным «жили они долго и счастливо».

Но жизнь не всегда балует нас,
и моим родителям не суждено
было быть вместе.

Мама забеременела мной на втором курсе, и это создало достаточно много проблем. Почти все они сходились на моем отце. Оказалось, он уже был женат: по казахским традициям родители выбрали для него супругу. Между ними и недавно не было тех нежных чувств, которые отец питал к моей маме. Однако ничего не поделать: от первого брака у него родилось трое детей, и за них надо было нести ответственность. Так, почти все заработанные деньги отец отправлял в другой город — финансово содержать две семьи было бы в тягость. Но даже не это было самой главной проблемой. Быть незамужней и беременной счи-

талось неслыханным позором, так что даже при большом желании мои мама и папа не могли быть вместе — я не обрадую вас хеппи-эндом. Своему возлюбленному мама так ничего про меня и не сказала, но твердо знала, что аборт делать не будет. Она решила справляться своими силами: пока училась и работала, с моим воспитанием ей помогала разве что ее тетя Майра.

Переломный момент в наших с мамой судьбах случился в 1988 году, когда мне был год от роду. Она тогда ходила в больничку¹, навещала дальнюю родственницу, у которой никого из близких не было, приносила ей еду. Там-то они с Иваном и познакомилась. Молодой и видный цыган, он оказался в той больнице на условиях вольного поселения — после отсидки нескольких лет за убийство. Несмотря на его незавидное прошлое, между ними довольно быстро завязалась дружба. Они встречались, часто проводили время вместе, гуляли со мной. Как-то раз Иван даже пришел к нам в гости, а потом — снова и снова...

Как сейчас его помню: высокий, с черными как смоль длинными кудрявыми волосами до плеч и добрым лицом. И именно кажущейся до-

---

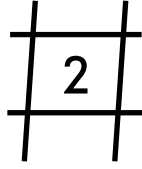
¹ Б о л ь н и ч к а — уменьш. к больница; небольшая больница, обычно в сельской местности. Толковый словарь Ожегова. С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. 1949–1992.

броте в его лице я всегда верила и надеялась на нее. Иван имел привычку разговаривать громко и хлестко: ты могла дернуться от его возгласа, от резкости высказывания, но его глаза... все равно оставались добрыми. Иван был чувственным, мужественным и харизматичным человеком, который целиком и полностью завладел вниманием моей мамы.

«Он тебя на руках носил, на шее катал, играл. Мне показывал фотоальбом, где были снимки трех его детей. Говорил, мол, у тебя ребенок, и у меня дети — давай воспитывать их вместе. А то их мать ушла, и я теперь совсем один остался», — рассказывала про него мама. Ее не смутило, что Иван сидел, да еще и за убийство. Она лишь подумала, что раз детей воспитывает, то и мужчина, стало быть, хороший, семейный. Подумаешь, совершил ошибку — с кем не бывает? Она, вероятно, посчитала, что исправительная колония изменила Ивана, сделала его лучше. Так моя мама безоговорочно поверила этому человеку и последовала за ним.

И тогда случился наш переезд в Россию, в город Курган. Иронично получилось, не находите? Прямо настоящий цикл: родилась в Кургане и уезжала тоже в Курган, только другой, открывая новую главу жизни...

**ПОКОЙ МНЕ
ТОЛЬКО
СЧИТСЯ...**

Для моей матери, уроженки Казахстана, такое было неожиданным: чтобы кто-то просто взял и предложил выйти замуж, сказал, что увезет жить в другое место. Мама привыкла к гуляющим казахам, которые неохотно берут на себя ответственность и уж тем более не предлагают руку и сердце на первом этапе знакомства. Уехать с Иваном в Россию означало оставить всех родственников — все равно что предать семью. Душевные метания мамы были очевидны: с одной стороны, есть твои близкие — любящая сестра, мама, остальная родня и друзья, а с другой — молодой человек, который обещает совершенно новую жизнь, заботиться о твоём ребенке, любить его безусловно и стать лучшим отцом. Абсолютно неизведанные ранее чувства, которые вызвал переезд, захлестнули мою маму с головой. Конечно, ее вдохновляла мысль, что можно начать жизнь с чистого листа: рядом с любимым, в окружении новых интересных людей.

Россия казалась ей тогда билетом в светлое будущее, необыкновенной возможностью, и то, что Иван был бывшим заключенным, ее никак не тревожило.

В итоге волею судеб мы оказались в Курганской области, и с этого момента для нас двоих все изменилось раз и навсегда.

Я не знаю, жалеет ли об этом решении мама сейчас, уже после всего случившегося, но одно скажу точно: если бы я могла создать машину времени и повернуть время вспять, никогда не позволила бы ей совершить ту роковую ошибку. Не дала бы ни единого шанса согласиться на переезд. Я мертвой хваткой вцепилась бы в ее ногу, если нужно, приросла к ней на месте, долго кричала и плакала — до тех пор, пока руки не онемели бы держать ее, пока не осипла глотка...

Но жребий брошен, и мы оказались в Кургане.

Я хорошо помню место, где мы жили: коричневый забор вокруг огромного участка, на нем расположился не менее огромный дом, рядом с ним — конюшня с двумя лошадьми (одну из